

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ СИНГАРМОНИЗМА И СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУРКМЕНСКОГО И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ)

А. Нурмухаммедов

г. Ашхабад (Туркменистан)

Резюме: Вопрос о взаимоотношении сингармонизма (С) и словесного ударения (СУ) привлекал внимание многих лингвистов. Имеются различные мнения по этому вопросу. Одни рассматривают С как надсегментное явление и ставят его в один ряд с ударением до полного отрицания последнего, а другие считают его сегментным феноменом. В статье доказывается, что С и СУ, взаимодействуя в словах, выполняют различные функции. В туркменском языке С: 1) придает аффиксальным слогам однородный тембр, подобно предыдущему слогу; 2) влияет на появление двухвариантных (-*larl-ler*, -*dyl-di*) и четырехвариантных (-*uml-iml-uml-üm*) типов аффиксов многосложных слов; 3) не действует в нарушенных и заимствованных словах. СУ: 1) выделяя более важные слоги простых и сложных слов, объединяет слоги в лексически единое целое; 2) различает более десяти омонимичных пар аффиксальных морфем; 3) действует во всех словах и организует их в единое целое.

Ключевые слова: слог, слово, сингармонизм, словесное ударение, взаимоотношение, туркменский язык.

1. Общие теоретические основы С

С как один из основных просодических явлений тюркских слов, в том числе и туркменского, находится в тесном взаимоотношении с таким сложным явлением, как ассимиляция звуков и СУ. Изучение их взаимоотношений имеет научное и практическое значение.

Вопросом о взаимоотношении СУ и С в тюркских языках интересовались многие лингвисты. Известно, что первым, кто обратил внимание на особенность С в тюркских языках, был немецкий ученый А. Шлейхер [Schleicher 1850: 63–64], а чуть позже русско-польский ученый И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1876: 322–324]. И.А. Бодуэн де Куртенэ образно изложил акцентно-просодическую значимость С следующим образом: «Гармония гласных в туранских языках служит, так сказать, цементом, соединяющим или связывающим слоги в слова. В арио-европейских языках роль соединения слогов в слова играет прежде всего ударение...» [Бодуэн де Куртенэ 1876: 322–323]. Хочется отметить, что

Нурмухаммедов Аманмухаммет – кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана.

в приведенном сравнении ученого роль С в организации слов тюркских языков сильно преувеличена, а роль СУ снижается почти до нуля. Данное интересное утверждение И.А. Бодуэна де Куртенэ, следует сказать, дало творческий импульс многим ученым, в том числе профессорам В.В. Радлову, В.А. Богородицкому, Н.С. Трубецкому, Е.Д. Поливанову, М. Рясянену, Н.К. Дмитриеву и др., интересоваться гармонией гласных тюркских языков.

Прежде чем изложить соотношение С и СУ, следует ознакомиться с теоретическими основами сингармонизма, изложенными в научной литературе.

Академик В.В. Радлов, соглашаясь с указанным сопоставительным мнением И.А. Бодуэна де Куртенэ, связывает причину возникновения гармонии гласных с морфологической структурой тюркских слов и отмечает ее выделительную роль в речи [Radloff 1883: 50–51].

Проф. В.А. Богородицкий, изучая структуру слов татарского и некоторых других тюркских языков, заложил теоретическую основу, т. е. «закон гармонии гласных», в своем труде «Введение в татарское языкознание», изданном в 1934 г. (второе изд. 1953 г.). Он, различая два типа гласных – коренные и суффиксальные, пишет: «Тюркские языки характеризуются в области вокализма явлением “гармонии гласных” или сингармонизмом, состоящим приспособлением гласных суффиксальных и флексийных слогов к гласному корня. Поэтому при изучении вокализма татарского языка необходимо считаться с морфологическим моментом, именно – находится ли гласный в корневой морфеме или придаточной» [Богородицкий 1934: 27]. Он также отмечал, что: «В корневой морфеме гласные выступают в бóльшем разнообразии, нежели в придаточных» [Богородицкий 1934: 27], и указал следующие корневые гласные: *a/ä, o/ö, y/ÿ, ы/i*, и два типа суффиксального широкого *a/ä*, узкого *ы/i* гласных [Богородицкий 1953: 121].

Вслед за В.А. Богородицким, проф. Н.С. Трубецкой также различает в своей работе «Основы фонологии» гласные корня и гласные аффиксов тюркских слов. Он, выделяя историческую восьмерку гласных по четырехклассной системе *a/ä, o/ö, u/ü, y/i*, точно определил их фонологические значения: «В тех тюркских языках», – писал он, – «где последовательно осуществляется так называемая “гармония гласных”, приведенная выше система наличествует в полном, т. е. фонологически значимом виде, лишь в первом слоге слова; во всех прочих слогах тембровые противоположения нейтрализуются, и тембровые признаки гласных первого слога в своей реализации равняются на гласный предшествующего слога» [Трубецкой 1960: 118].

Следует отметить, что фонетическое оформление и фонологическое значение корневых и аффиксальных гласных тюркских слов получили яркое освещение в трудах В.А. Богородицкого и Н.С. Трубецкого. Мнение проф. В.А. Богородицкого о том, что: «В корневой морфеме гласные выступают в большем разнообразии, нежели в придаточных морфемах» [Богородицкий 1934: 27] и мнение Н.С. Трубецкого: «Вокализм первого слога богаче вокализма всех прочих слогов» [Трубецкой 1960: 109] подтверждаются и материалами туркменского языка. Хотели бы добавить здесь, что корневые гласные образуют в данном языке четырехклассные системы не только по долготе/краткости их произношений: *a:/ä:, o:/ö:, u:/ü:, y:/i:*, но и по ряду: *a/e, o/ö, u/ü, y/i*, тем самым в восьмиклассной системе различаются 16 гласных фонем. А в аффиксальных морфемах встречаются,

в основном, краткие *a/e*, *y/i* гласные, не имеющие фонематического значения (*u/i* встречаются в меньшей степени).

Классик советской тюркологической школы проф. Н.К. Дмитриев, характеризуя С как один из разновидностей ассимиляции звуков, отмечает значение артикуляционной близости, входящей в состав гармонии гласных, следующим образом: «Законченный звуковой комплекс, обладающий определенным семантическим единством, должен быть выдержан и формальной стороны, т. е. состоять из звуков максимально близких в отношении артикуляции» [Дмитриев 1948: 38].

Итак, вышеизложенные взгляды видных ученых о С, можно сказать, послужили теоретической основой многих научных исследований по этой тематике в тюркологии, в том числе Ф.Г. Исхакова [1955], Г.П. Мельникова [1965], М.А. Черкасского [1965], А. Джунисбекова [1980, 1988], А.А. Ковшовой [1984], А. Нурмухаммедова [2013] и др.

Известно, что СУ также действует в слогах тюркских слов в качестве просодического средства. Оно, выделяя более значимые слоги, объединяет слоги в лексическую единицу – слово. О нем говорили многие видные тюркологи, в том числе М. Ряснен [1955], У.Ш. Байчура [1961], В.О. Аракин [1984], С.К. Кенесбаев [1962] и др. Исходя из такого понимания, перед исследователем стоит задача определить соотношения СУ и С в тюркских языках: являются ли они одинаково важными или выполняют различные функции в оформлении слов.

Следует отметить, что вышеуказанное мнение И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.В. Радлова о том, что: «С в тюркских языках играет роль в слове такую же, как СУ в европейских языках и организует слово» нашло свою поддержку в работах Ф. Кязимова [1954], А.А. Реформатского [1966], В.А. Виноградова [1966], А. Джунисбекова [1980, 1988] и некоторых других ученых.

Казахский ученый А. Джунисбеков в своей книге «Сингармонизм в казахском языке», критически анализируя исследования по СУ и С тюркских языков, сделал спорный вывод о том, что: «Словесное ударение и сингармонизм выполняют одни и те же функции (<...> Функциональная идентичность сингармонизма и словесного ударения исключает наличие последнего в системе казахского языка» [Джунисбеков 1980: 62, 73]. Позже в своей другой работе он «уверенно» писал о том, что: «словесного ударения как словесной просодии в тюркских языках (и в казахском языке) нет» [Джунисбеков 1988: 17]. Хотелось бы отметить свое сомнение в том, что изложенное выше мнение А. Джунисбекова найдет свое подтверждение в трудах других ученых, так как, по нашему мнению, он сильно преувеличивает роль С и искажает функции СУ в оформлении слов в тюркских языках. Относительно данного вопроса А.А. Ковшова также писала о своем сомнении: «Слоговой характер тюркского слова, а также возможные случаи постановки ударения на предыдущем слоге (ср. башк. *álmady* ‘я не брал’, *baráhyñ* ‘ты идешь’, *bašlájym* ‘я начинаю’, *alažáqmyn* ‘я возьму’, *bašqórtsa* ‘по-башкирски’, *alyánsa* ‘прежде чем взять’, *alyándyr* ‘взял должно быть’, *χátta* ‘даже’, *čónki* ‘потому что’ и т. д.) позволяют усомниться в правильности точки зрения, согласно которой вообще отрицается наличие ударения в тюркском слове на основании функциональной идентичности сингармонизма и словесного ударения» [Ковшова 1984: 439]¹.

¹ Орфография башкирских слов приведена в соответствии с первоисточником – *прим. ред.*

Считаем уместным отметить и взгляд видного ученого Т.А. Бертагаева по вопросу соотношения С и СУ. В статье «Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава» он возражал взглядам И.А. Бодуэна де Куртенэ и его сторонников А.А. Реформатского и В.А. Виноградова, считавших С суперсегментным, сыгравшим в тюркских языках «словоорганизирующую» роль. Он уверенно писал: «Сингармонизм не является суперсегментным ни по своей акустико-физической природе, ни функционально» [Бертагаев 1968: 107]. В конце статьи Т.А. Бертагаев, говоря о меньшей степени разграничительной функции С отмечает: «основным средством разграничения слов является значение, а в качестве вспомогательного пограничного сигнала используется синтаксическое поведение слова в словосочетании, дистрибуция грамматических форм, отдельные фонетические факторы (...) Все это исключает роль сингармонизма как разграничительного средства в линейном ряду слов и сводит к минимуму его делимитативные функции» [Бертагаев 1968: 111]. Эти доводы ученого убеждают нас в правильности его позиции.

Рассматривая взаимоотношения СУ и С в узбекском языке, ученый А. Махмудов также приходит к однозначному выводу о важном значении СУ для узбекского языка и пишет: «Поэтому есть все основания не рассматривать ударение в одной плоскости с сингармонизмом, а определить его как важнейшее суперсегментное явление в узбекском литературном языке» [Махмудов 1985: 294].

О тесной связи С с аффиксами в тюркских языках, кроме В.А. Богородицкого и Н.С. Трубецкого, говорили также Т.А. Бертагаев, Э.Р. Тенишев и др. Каждый из них вносил определенный вклад в полную характеристику С. Так, Т.А. Бертагаевым отмечено, что: «Сингармонизм предполагает минимум два слога. Только агглютинация – две и более морфемы – могла способствовать появлению сингармонизма на основе прогрессивной ассимиляции звуков» [Бертагаев 1965: 136].

Проф. Э.Р. Тенишев, обращая внимание на распространение палатального и губного С в тюркских языках, правильно характеризует их таким образом: «Гармония гласных наиболее полно проявляет себя только в ряду не губных. Характерную черту этих языков составляет губная гармония, сила которой падает от языка к языку» [Тенишев 1965: 129]. Данное мнение проф. Э.Р. Тенишева подтверждается и материалами туркменского языка (о них речь будет идти ниже).

Анализируя взгляды вышеназванных ученых о взаимоотношениях С и СУ в тюркских языках, а также учитывая их функционирование в словах туркменского языка, мы убедились в том, что С как сегментное (линейное) явление, а СУ как суперсегментное средство действуют в словах взаимосвязанно и выполняют различные функции, о чем речь будет идти ниже.

II. О нарушениях С в туркменском языке

Палатальный и лабиальный С резко отличаются друг от друга по распространению в многосложных словах в туркменском языке. Палатальная гармония более стабильна и охватывает все слоги многосложных слов с отдельными исключениями. Губная гармония характеризуется менее стабильными и изменчивыми свойствами. Она действует, в основном, до второго слога (здесь не имеются в виду отдельные диалектные данные). Учитывая их особенность, мы посчитали удобным остановиться на них по отдельности.

1. Нарушения палатальной гармонии гласных можно наблюдать в письменных текстах, отдельных аффиксальных морфемах, сложных и заимствованных словах. Нам было интересно узнать, прежде всего, о степени нарушения палатальной гармонии в текстах с различным содержанием, а именно из художественного (Б. Кербабаяев [1992] и Ч. Ашыр [1980]), филологического ([Туркмен дилиниң грамматикасы 1999] и [Туркмен эдебиятының тарыхы 1975]), а также физико-технического ([Өкдиров, Гулмажов 2001]) жанров литературы. Проведенные статистические анализы показали, что нарушения палатального С в текстах художественной литературы составляют около 4-5%, в текстах филологической науки – около 10%, а в текстах физико-технического направления – более 15% от общего количества посчитанных слов. Эти данные свидетельствуют о том, что нарушения палатального С чаще (больше) встречаются в текстах научной литературы, чем в текстах художественного стиля, который является близким к простонародной речи.

2. В настоящее время в туркменском языке употребляются более сорока **одновариантных с точки зрения твердости-мягкости морфем** (префиксы, суффиксы и частицы), не гармонирующих с коренными гласными слов. Некоторые примеры: *bi*⁻² (*bitarap* ‘нейтральный’), *-da:n* (*küldä:n* ‘пепельница’), *-da:r* (*minnetdä:r* ‘признательный’), *-gä:r* (*yadygä:r* ‘память, на память’), *-ho:r* (*parahò:r* ‘взяточник’), *-ha:na* (*dellekha:nà* ‘парикмахерская’), *-ja:n* (*Enejä:n* ‘женское имя’), *-jagaz* (*güljagáz* ‘цветочек’), *-keş* (*su:ratkêş* ‘художник’), *-kä:r* (*jogapkä:r* ‘ответственный’), *-ok* (*bilenök* ‘не знает’), *-na:ma* (*meýilna:mà* ‘план’), *-paraz* (*milletparáz* ‘националист’), *-wa:ç* (*yelpewä:ç* ‘вентилятор’), *-ha:n* (*Beghän* ‘мужское имя’), *-wer* (*duruwêr* ‘стой же’) и т. д. Большинство таких морфем являются арабо-персидскими по происхождению.

3. Нарушение палатального С часто наблюдается в сложных словах (как общих, так и в собственных именах). Примеры: *birà:z* ‘немного’, *gönüburçlük* ‘прямоугольник’, *günebakar* ‘подсолнух’, *gündogâr* ‘восток’, *ilkagşam* ‘ранний вечер’, *itburün* ‘шиповник’, *o:tluçöp* ‘спичка’, *Ogulgerék* ‘женское имя’, *Atageldi* ‘мужское имя’ и т. д.

4. Нарушение палатальной гармонии гласных встречается больше в заимствованных словах из арабо-персидских и европейских языков. Некоторые примеры: *etrà:p* ‘район’, *wela:yât* ‘область’, *edebiyâ:t* ‘литература’, *kità:p* ‘книга’, *tebi:gât* ‘природа’, *serdä:r* ‘вождь’, *tèhnika*, *fizika*, *telefòn* и т. д.

5. О нарушениях губной гармонии гласных можно отметить следующее. По своему действию в словах губная гармония отличается от палатальной сложностью, меньшей устойчивостью и многовариантностью. Ее характер зависит, прежде всего, от качества гласных (широких губных *o*, *ö* и узких губных *u*, *ü*) в словах. По правилу написания слов туркменского литературного языка, широкие губные гласные *o*, *ö* пишутся лишь в первом слоге слов. Это обстоятельство

² Оформление языкового материала несколько отличается от транскрипции, основанной на принятой в тюркологических работах [СИГТЯ 1984]. Используется принятая в работах современных туркменских лингвистов латинская графика. Здесь означают соответственно: ç – ч, ž – ж, j – ж, ñ – н, ş – ш, ý – ü, g – ç ([g~ç~y]). Помимо этого, долгота передается знаком МФА <ː>, ударение – надстрочным <˘>.

свидетельствует о том, что широкие гласные *a*, *e* второго слога не огубляются под влиянием губных гласных первого слога слов, т. е. они не гармонируют с губными гласными первого слога. Некоторые примеры: *o:badá* ‘в селе’, *döwlet* ‘государство’, *çopân* ‘пастух’, *Orá:z* ‘мужское имя’, *döwrá:n* ‘счастливое время’, *oglanlár* ‘ребята’, *tüwelemé* ‘молодец’, *togalák* ‘круглый’, *kölegé* ‘тень’, *köçé* ‘улица’, *köçedé* ‘на улице’, *kömelék* ‘гриб’ и т. д.

Узкие губные гласные *u*, *ü* пишутся в первом и во втором слогах слов по правилу написания слов. В данном случае исторические узкие гласные *y*, *i* второго слога под влиянием губных гласных первого слога, гармонируя, образуют губной С. Некоторые примеры: *bulüt* ‘облако’, *sülgün* ‘фазан’, *bürgüt* ‘орел’, *üzüm* ‘виноград’, *üzümçilik* ‘виноградарство’, *o:dün* ‘дрова’, *ösümlük* ‘растение’, *gurluşyk* ‘строительство’, *gurultáy* ‘съезд’ и т. д.

Здесь следует отметить два случая нарушения губной гармонии. Огубление не происходит у:

1) узких кратких гласных *y*, *i* в конечном открытом слоге слов: *durdý* ‘он остановился’, *Durdý* ‘мужское имя’, *uly* ‘большой’, *gu:ry* ‘сухой’, *süri* ‘стадо’, *gördi* ‘он увидел’, *ö:zi* ‘он сам’, *çünkü* ‘потому что’ и т. д.;

2) узких долгих *y*, *i*: в середине слов: *yogy:n* ‘толстый’, *uzu:n* ‘длинный’, *üçi:n* ‘для’, *müdi:r* ‘заведующий’, *meniñ guzy:m* ‘мой ягненок’, *seniñ süri:ñ* ‘твое стадо’ и т. д.

III. Некоторые общие черты С и СУ

Они состоят из следующих признаков:

1. С, как правило, характеризуется особенностями произнесения гласных в двух и более сложных слов. СУ также характеризуется особенностью выделения гласного одного из слогов двух и более сложных слов. Следовательно, общим для С и СУ является их действие в словах, состоящих из двух и более слоговых структур.

2. С, окрашивая гласные многосложных слов одним из тембров (твердым, мягким или огубленным), участвует в разграничении их в речи. Некоторые примеры: *atá* ‘отец’, *ené* ‘мать’, *ini* ‘младший брат’, *aldylár* ‘они взяли’, *geldilér* ‘они пришли’, *bulüt* ‘облако’, *kümüş* ‘серебро’ и т. д. Ударение, выделяя конечный слог слова, также участвует в разграничении их в речи. Примеры: *galám* ‘карандаш’, *sygyr* ‘корова’, *yigit* ‘парень’, *gurşun* ‘свинец’, *kümüş* ‘серебро’, *üzüm* ‘виноград’, *öküz* ‘бык’, *aldylár* ‘они взяли’, *geldilér* ‘они пришли’ и т. д.

3. С, организуя многосложные слова с однородными гласными, придает им тембральную целостность. Например: *atadá* ‘у отца’, *enedé* ‘у матери’, *(onuñ) sygyrý* ‘(его) корова’, *(onuñ) inisi* ‘(его) младший брат’ и т. д. Ударение тоже, организуя слабые и сильные слоги многосложных слов, превращает их в лексически понятные слова. В каждом слове, как правило, имеется одно основное ударение, и оно придает слову целостность. Например: *bardylár* ‘они пошли (уехали)’, *bá:rdylar* ‘они были’, *geldilér* ‘они приходили (пришли, приехали)’, *gèlmediler* ‘они не приходили (не приехали)’ и т. д. Следовательно, С и СУ оба придают словам целостность, но по-разному.

IV. Основные просодические различия С и СУ

Они состоят, в основном, из следующих:

1. Проведенные нами экспериментально-фонетические исследования показали, что СУ в туркменском языке, по своим фонетико-морфологическим и акустическим признакам является тонально-динамическим, одноместным и надсегментным средством [Nurmuhammedow 2012: 247–248; Nurmuhammedow 2019: 397–398]. Оно ярко выражается в парадигматическом плане в словах. С по своему характеру является сегментным (линейным) явлением, действующим по закону прогрессивной ассимиляции от первого слога на последующие слоги по артикуляционному укладу гласных.

2. С различает гласные первого и последующих слогов слова. Он характеризует гласный первого слога как основной, влияющий, а последующие – как зависимые, придаточные. СУ не различает расположение слогов в слове. Оно может падать на последний и предыдущие слоги. Сравните: *bardý* ‘он ходил туда’, *bà:rdý* ‘он был (находился) там’, *aldý* ‘он брал (взял)’, *almàdy* ‘это было яблоко’, *àlmady* ‘он не брал’, *geldilèr* ‘они пришли (приходили, приехали)’, *gèlmediler* ‘они не приходили (не пришли, не приехали)’ и т. д.

3. С, характеризуя гласные многосложных слов одним из тембров (твердым, мягким или огубленным), придает им внешний монотонный облик. СУ объединяет слоги слова на основе их значений. Менее значимые, т. е. слабые, слоги объединяются вокруг более важных, ударных слогов, образуя единство слова, выражающего конкретный смысл. Итак, в организации слов СУ выполняет основную функцию. Это более заметно в условиях, где нарушается С, и в словах, различающихся по изменению места СУ.

4. С образует твердые, мягкие и огубленные тембровые варианты аффиксальных морфем. В туркменском языке образуются двухвариантные (*-lar/-ler*, *-da/-de*, *-ýa:r/-ýä:r*, *-çy/-çi*, *-my/-mi*, *-da:ky/-dä:ki*) аффиксы на основе палатальной гармонии, а четырехвариантные (*-ym/-im/-um/-üm*, *-yň/-iň/-uň/-üň*, *-yp/-ip/-up/-üp*, *-lyk/-lik/-luk/-lük*, *-dyr/-dir/-dur/-dür*, *-dyk/-dik/-duk/-dük*, *-myş/-miş/-muş/-müş*) аффиксы на основе палатально-губной гармонии. СУ не образует подобные аффиксальные варианты.

5. С не выделяет особо один из слогов многосложных слов, а СУ, выделяя один из слогов слова, усиливает его акустические структуры (высоту, интенсивность) и тем самым делает речь выразительной, понятной. Некоторые примеры: *atadà* ‘у отца’, *atà-da* ‘и отец тоже’, *okajàk* ‘читающий’, *okàmajak* ‘не читающий’ и т. д.

6. С не различает аффиксальные морфемы по смыслу, а СУ различает их. Нами определено, что в туркменском языке различаются 12 пар аффиксальных морфем с ударным и безударным положениями [Nurmuhammedow 2012: 103–106]. Некоторые примеры:

-màl/-mè (аф. имени/действия) и *-mal/-me* (аф. отриц. формы глаг.): *almà* ‘яблоко’ – *àlma* ‘не бери’; *seçmè* ‘оружейная дробь’ – *seçme* ‘не рассыпай’;

-dàl/-dè (аф. дат.-вр. пад) и *-da/-de* (частица): *atadà* ‘у отца’ – *atà-da* ‘и отец тоже’, *enedè* ‘у матери’ – *enè-de* ‘и мать тоже’;

-dýl/-dì (аф. гл. прош. вр.) и *-dy/-di* (аф. сказуемости): *durdý* ‘он стоял’ – *dù:rdy* ‘кажется, он стоял’;

-çàl/-çè (аф. умен. – ласк. степень сущ.) и *-ça/-çe* (аф. нареч.): *ha:lyçà* ‘коврик’ – *ha:lýça* ‘чем ковер’;

-gün/-gün/-gün/-gün (аф. обр. сущ.) и *-gyn/-gin/-gun/-gün* (аф. побуд. форм. гл.): *uçgün* ‘искра’ – *uçgun* ‘летай же’, *gyrgyn* ‘повальная гибель’ – *gyrgyn* ‘истребляй же’ и т. д.

-dyr/-dir (аф. повел. нак.) и *-dyr/-dir* (аф. сказуемости): *atdyr* ‘прикажи стрелять’ – *atdyr* ‘наверно (кажется) был конь’ [Nurmuhammedow 2012: 103–106] и т. д.

7. С действует в словах независимо от их принадлежности к частям речи. А для СУ же имеет значение принадлежность слов к частям речи, так как место ударения в словах меняется в зависимости от частей речи в туркменском языке. Их можно разделить на три группы:

1) часть речи, в которой СУ падает на последний слог слова. К ним относятся имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, имя действия и глагольные основы. Примеры: *bayram* ‘праздник’, *gyzyl* ‘красный’, *otuz* ‘тридцать’, *okuw* ‘учеба’, *i:şle* ‘работай’, *barada* ‘о нем, о ней’;

2) часть речи, в которой СУ падает на последний и не последний слог слова в зависимости от их содержания. К ним относятся: звукоподражательные, местоименные, модальные слова, наречия, междометия и союзы. Некоторые примеры: *neme* ‘тот, как его; как это’, *näme* ‘что’, *hacan* ‘когда’, *zöwwe* ‘моментально, быстро’, *derrrew* ‘быстро’, *ha:lyça* ‘коврик’, *ha:lyça* ‘как ковер, по сравнению с ковром’, *emma* ‘но, однако’, *yö:në* ‘однако’ и т. д.;

3) к безударным частям речи относятся частицы типа *-al-e*, *-dal-de*, *-bal-be*, *-lal-le* и т. д. Некоторые примеры: *öl-a gelmedi* ‘а он не пришел, он же не пришел’, *günbe-gün* ‘день за днем’, *atä-da* ‘и отец’, *enë-de* ‘и мать’ и т. д.

Нами определено также наличие более сорока окончаний, не принимающих СУ в туркменском языке [Nurmuhammedow 2012: 84–89]. Все эти факты ярко свидетельствуют о функционировании СУ в данном языке.

8. С не действует в словах с нарушением гармонии гласных, а также во многих сложных и заимствованных словах, а СУ служит в указанных типах слов единственным важным организующим средством, выражающим в словах конкретный смысл. Некоторые примеры: *agşama:ra* (< *agşam* + *a:ra* ‘вечерком’), *günebakar* (< *güne* + *bakar* ‘подсолнух’), *gündogar* (< *gün* + *dogar* ‘восток’), *itburun* (< *it* + *burun* ‘шиповник’), *Ha:ngeldi* (< *ha:n* + *geldi* ‘мужское имя’), *bi:tarap* (< *bi*+*tarap*, ‘нейтральный’), *nä:dogry* (< *nä*+*dogry*, ‘неправильный’), *tebigat* ‘природа’, *serdär* ‘вождь’ и т. д.

9. С действует только в простых многосложных словах. СУ действует не только в простых, но и сложных словах, синтагмах и фразах как организующее и разграничивающее их средство.

10. С, по нашему убеждению, не имеет связи с фразовой интонацией. А СУ имеет тесную связь с фразовой интонацией и является одной из ее составных частей. Синтагматическое и логическое ударения, входящие в состав интонации, образуются с усилением СУ.

11. Из теории С нам было ясно, что он не действует на количественные характеристики гласных не первых слогов слова. А для выяснения степени влияния СУ на длительность гласных в словах необходимо было провести экспериментальные записи двух или трехсложных слов: *almä* ‘яблоко’, *älma* ‘не бери’; *seçme* ‘оружейная дробь’, *seçme* ‘не рассыпай’; *düzgün* ‘порядок’, *düzgün* ‘составь, сочини’; *düşekçe* ‘матрас’, *düşekçe* ‘как матрас’; *gowurma* ‘жареное мясо’, *gowurma*

‘не жарь’ и т. д. Были проведены записи четырех дикторов. Полученные данные из осциллограмм слов по длительности гласных показали следующие результаты:

1) в двусложных словах с ударением на последнем слоге средняя длительность гласных составила в I-м слоге 86 м/сек, во II-м слоге – 91 м/сек. Их относительная длительность по отношению друг к другу была равна 1:1 ритмической структуры;

2) в двусложных словах с ударением на первом слоге средняя длительность гласных в I-м слоге была 88 м/сек, во II-м слоге – 73 м/сек. Их относительные значения друг к другу образуют 1,2:1 структуры [Nurmuhammedow 2012: 210; 2019: 331];

3) в трехсложных словах с ударением на последнем слоге средняя длительность гласных на I-м слоге составила 67 м/сек, во II-м – 58 м/сек, на III-м – 132 м/сек. Их относительная длительность друг к другу составила 1,2:1:2,3 структуры. Она показывает, что длительность предударной гласной короче остальных;

4) в трехсложных словах с ударением не на последнем слоге средняя длительность гласных на I-м слоге составила 65 м/сек, на II-м – 65 м/сек, а на III-м – 118 м/сек. Их относительная длительность по отношению друг к другу образовали 1:1:1,7 структуры [Nurmuhammedow 2012: 209; 2019: 321].

Следовательно, результаты сравнения длительности гласных в двух и трехсложных словах с ударением на конечных и не конечных слогах показали, что СУ слабо влияет на длительность ударного слога до степени его выделения.

V. Выводы

Итак, анализируя взаимоотношения С с СУ, можно прийти к следующим выводам:

1. С и СУ не являются одним и тем же фонетическим явлением, выполняющим идентичные функции в туркменском языке. С является сегментным явлением и результатом артикуляционного влияния гласного первого (предыдущего) слога на гласные последующих слогов. СУ, являясь надсегментным средством, выделяет более значимый слог и усиливает его акустические структуры. С и СУ действуют в произнесении слов одновременно и взаимосвязанно. Бывает и так, что при слабом действии одного из них усиливается роль другого в организации слов. К примеру, можно привести следующий факт. Из экспериментальных данных нам известно, что при произнесении слов с идентичными короткими гласными типа: *atada* ‘у отца’, *enede* ‘у матери’, *tegelek* ‘круглый’, *sygyr* ‘корова’ конечный ударный слог выделяется очень слабо. Его слышимость в речи почти равняется слышимости предыдущих слогов. Подобные слова различаются и воспринимаются лишь сингармоническими однородными гласными. И, наоборот, в случаях, когда СУ падает не на последний слог указанных типов слов, оно заметно проявляет себя в их организации. Примеры: *ata-da* ‘отец же’, *sygyr-la* ‘оказывается, была корова’, *atdyr* ‘прикажи стрелять’, *atdyr* ‘наверно, был конь’ и т. д.

2. СУ является одним из важных фонетических средств, выполняющим следующие функции: организация слов, на основе выделения важных и слабых слогов по смыслу, превращение слов в лексическое единство, различение аффиксальных морфем по смыслу, а также разграничение слов в речи в туркменском языке.

3. Вышеуказанные сравнения по функциям С и СУ опровергают имеющее место в тюркологии мнение о том, что: «Словесного ударения как словесной просодии в тюркских языках нет».

Литература

- Аракин 1984 – *Аракин В.О.* Ударение // СИГТЯ. Фонетика. – М.: Наука, 1984. {*V.O. Arakin.* Word stress // Comparative historical grammar of the Turkic languages. Phonetics. – Moscow: Nauka, 1984.}
- Байчура 1961 – *Байчура У.Ш.* Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. – Ч. II. – Казань, 1961. {*U.Sh. Baychura.* Phonetics of the Tatar language in connection with some other Turkic and Finno-Ugric languages. – Part 2. – Kazan, 1961.}
- Бертагаев 1965 – *Бертагаев Т.А.* Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965. {*T.A. Bertagayev.* The phonematic interchange and vowel harmony in agglutinative languages // Morphological typology and questions of the language classification. – Moscow–Leningrad: Nauka, 1965.}
- Бертагаев 1968 – *Бертагаев Т.А.* Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава // ВЯ. – М., 1968. – № 2. {*T.A. Bertagayev.* Vowel harmony, stress, and changes within the phonetic elements // Questions of Linguistics. – Moscow, 1968. – No. 2.}
- Богородицкий 1927 – *Богородицкий В.А.* Законы сингармонизма в тюркских языках // ВНОТ. – Казань, 1927. – № 6. {*V.A. Bogoroditskiy.* The laws of vowel harmony in the Turkic languages // Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies. – Kazan, 1927. – No. 6.}
- Богородицкий 1934/1953 – *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань, 1934. – Изд. 2-е: Казань, 1953. {*V.A. Bogoroditskiy.* Introduction to Tatar linguistics in connection with other Turkic languages. – Kazan, 1934. – The 2nd Edition: Kazan, 1953.}
- Бодуэн де Куртенэ 1876 – *И.А. Бодуэн де Куртенэ.* Резья и резьяне // Славянский сборник. – СПб., 1876. – Т. 3. {*I.A. Boudouin de Courtenay.* Resia and Resians // The Slavic Miscellany. – Saint-Petersburg, 1876. – Vol. 3.}
- Виноградов 1966 – *Виноградов В.А.* Сингармонизм и фонология слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. {*V.A. Vinogradov.* Vowel harmony and phonology of words: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1966.}
- Джунисбеков 1980 – *Джунисбеков А.* Сингармонизм в казахском языке. – Алма-Ата, 1980. {*A. Djunisbekov.* Vowel harmony in the Kazakh language. – Alma-Ata, 1980.}
- Джунисбеков 1988 – *Джунисбеков А.* Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1988. {*A. Djunisbekov.* Issues of Turkic word-prosody and the vowel harmony of a Kazakh word: Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1988.}
- Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М., 1948. {*N.K. Dmitriyev.* Grammar of the Bashkir language. – Moscow, 1948.}
- Исхаков 1955 – *Исхаков Ф.Г.* Гармония гласных в тюркских языках // ИСГТЯ. Ч. 1. Фонетика. – М., 1955. {*F.G. Iskhakov.* Vowel harmony in the Turkic languages // Research on Comparative Grammar of the Turkic Languages. Part 1. Phonetics. – Moscow, 1955.}
- Кенесбаев 1962 – *Кенесбаев С.К.* Фонетика // Современный казахский язык. Фонетика и морфология. – Алма-Ата, 1962. {*S.K. Kenesbayev.* Phonetics // Modern Kazakh language. Phonetics and morphology. – Alma-Ata, 1962.}
- Ковшова 1984 – *Ковшова А.А.* Сингармонизм тюркского слова // СИГТЯ. Фонетика. – М.: Наука, 1984. {*A.A. Kovshova.* Vowel harmony of a Turkic word // Comparative historical grammar of the Turkic languages. Phonetics. – Moscow: Nauka, 1984.}
- Кязимов 1954 – *Кязимов Ф.* Принципы сингармонизма в азербайджанском языке // Известия ОЛЯ АН СССР. – М., 1954. – Т. XIII. – В. 1. {*F. Kyazimov.* Principles of vowel harmony in the Azerbaijani language // Bulletin of the Department of Language and Literature of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow, 1954. – Vol. 13. – Issue 1.}
- Махмудов 1985 – *Махмудов А.* Соотношение сингармонизма, ударения и звукового строя языка // Тюркское языкознание. Материалы III тюркологической конференции. – Ташкент, 1985.

- {*A. Makhmudov*. The correlation of vowel harmony, stress, and phonological structure of a language // *Turkic Linguistics. Proceedings of the III Turkological Conference*. – Tashkent, 1985.}
- Мельников 1965 – *Мельников Г.П.* О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965. {*G.P. Melnikov*. On correlation of agglutination and vowel harmony // *Morphological typology and the question of language classification*. – Moscow–Leningrad: Nauka, 1965.}
- Мукашева 1988 – *Мукашева А.С.* Соотношение главного и второстепенного ударений в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук – Алма-Ата, 1988. {*A.S. Mukasheva*. Correlation of the first and secondary stress in the Kazakh language: Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1988.}
- Нурмухаммедов 2015 – *Нурмухаммедов А.* О фонетико-морфологических особенностях словесного ударения в туркменском языке // *Российская тюркология*. – М.–Казань, 2015. – № 1 (12). {*A. Nurmuhamedov*. On phonetic and morphological peculiarities of word stress in the Turkmen language // *Russian Turkology*. – Moscow–Kazan, 2015. – No. 1 (12).}
- Реформатский 1966 – *Реформатский А.А.* Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // *Исследования по фонологии*. – М., 1966. {*A.A. Reformatskiy*. Hierarchy of phonological units and of phenomenon of vowel harmony // *Research on phonology*. – Moscow, 1966.}
- Рясянен 1955 – *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков / Пер. с нем. А.А. Юлдашева. – М., 1955. {*M. Räsänen*. Data on historical grammar of the Turkic languages / Translated from German by A.A. Yuldashev. – Moscow, 1955.}
- СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984. {*Comparative historical grammar of the Turkic languages. Phonetics*. – Moscow: Nauka, 1984.}
- Тенишев 1965 – *Тенишев Э.Р.* О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965. {*E.R. Tenishev*. On the relations between vowel harmony and agglutination in the Turkic languages // *Morphological typology and questions of the language classification*. – Moscow–Leningrad: Nauka, 1965.}
- Трубецкой 1960 – *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. – М.: Изд. иностр. литературы, 1960. {*N.S. Trubetskoy*. Basic phonology. – Moscow: The Publishing House of Foreign Literature, 1960.}
- Черкасский 1965 – *Черкасский М.А.* Тюркский вокализм и сингармонизм. – М.: Наука, 1965. {*M.A. Cherkasskiy*. Turkic vocalism and vowel harmony. – Moscow: Nauka, 1965.}
- Щербак 1970 – *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. {*A.M. Shcherbak*. A comparative phonology of the Turkic languages. – Leningrad: Nauka, 1970.}
- Nurmuhamedow 2012 – *Nurmuhamedow A.* Türkmen dilinde söz basyмы. – Aşgabat: Ylym, 2012. {*A. Nurmuhamedow*. Word stress in the Turkmen language. – Ashkhabad: Ylym, 2012.}
- Nurmuhamedow 2013 – *Nurmuhamedow A.* Türkmen dilinde sözüň singarmonizm hadysasy. – Aşgabat: Ylym, 2013. {*A. Nurmuhamedow*. Phenomenon of word vowel harmony in the Turkmen language. – Ashkhabad: Ylym, 2013.}
- Nurmuhamedow 2019 – *Nurmuhamedow A.* Türkmen diliniň fonetikasi. II kitap. Sözüň fonetik guralyşy. – Aşgabat: Ylym, 2019. {*A. Nurmuhamedow*. Phonetics of the Turkmen language. Vol. 2. Phonetic structure of a word. – Ashkhabad: Ylym, 2019.}
- Radloff 1883 – *Radloff W.W.(F.W.)* Phonetik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig, 1883. {*W.W.(F.W.) Radloff*. Phonology of Northern Turkic languages. – Leipzig, 1883.}
- Schleicher 1850 – *Schleicher A.* Die Sprachen Europas in systematischen Übersicht/Uebersicht/. – Bonn, 1850. – VD. 63. – № 64. {*A. Schleicher*. European languages in a systematic review. – Bonn, 1850. – VD. 63. – No. 64.}
- Ашыр 1980 – *Ашыр Ч.* Гарры сердар. Роман. – Ашгабат: Магарыф, 1980. {*Çary Aşyr/owl*. The old chief. A novel. – Ashkhabad: Magaryf, 1980.}
- Кербабаяев 1992 – *Кербабаяев Б.* Сайланан эсерлер. – Ашгабат: Магарыф, 1992. {*B. Kerbabaýew*. Selected works. – Ashkhabad: Magaryf, 1992.}
- Түркмен дилиниң грамматикасы 1999 – Түркмен дилиниң грамматикасы. Морфология. – Ашгабат: Рух, 1999. {*Grammar of the Turkmen language. Morphology*. – Ashkhabad: Ruh, 1999.}
- Түркмен әдебиятының тарыхы 1975 – Түркмен әдебиятының тарыхы. II том. – Ашгабат: Ылым, 1975. {*History of the Turkmen literature. Volume 2*. – Ashkhabad: Ylym, 1975.}
- Өкдиоров, Гулмажов 2001 – *Өкдиоров А., Гулмажов Г.* Электротехниканың назары эсаслары. – Ашгабат: Ылым, 2001. {*Ä. Ökdirow, G. Gulmajow*. Theoretical foundation of electrotechnics. – Ashkhabad: Ylym, 2001.}

**On interrelation of vowel harmony and word stress
(A case study of the Turkmen language and some other languages)**

A. Nurmammedov

Ashkhabad (Turkmenistan)

Summary: The issue of the relationship of vowel harmony (VH) with word stress (WS) has been attracting the attention of many linguists for a long time. There are different opinions on this question. Some consider VH as a super-segment phenomenon and put it on a par with stress until the latter is completely denied, while others consider it to be a segment phenomenon. The article proves that VH and WS, interacting in words, perform different functions. In the Turkmen language, VH: 1) gives the affixed syllables a uniform/an appropriate timbre, following the vowels of preceding syllable; 2) contributes to emergence of the two-variant (*-lar/-ler, -dy/-di*) and four-variant (*-ym/-im/-um/-üm*) types of affixes in polysyllabic words; 3) does not work in so-called broken and borrowed words. On the contrary, WS, 1) singling out more important syllables in simple and complex words, combines syllables into a lexically integrated unit; 2) distinguishes more than ten homonymous pairs of affixal morphemes; 3) acts in all words and organizes them into a single unit.

Key words: syllable, word, vowel harmony, word stress, interrelation, Turkmen language.

Amanmuhammet Nurmammedov – Ph.D. in philology, leading researcher of the Magtymguly Institute of Language, Literature, and National Manuscripts, Academy of Sciences of Turkmenistan.